

О судьбе имперского либерализма в России

(М.Н. Катков)

В.К. Кантор

Преамбула

Либерализм в России XIX века пережил известную эволюцию. В 40-х годах быть либералом значило быть “человеком мысли”, значило рисковать если не свободой, то по крайней мере служебным положением. После крымского поражения и реформ Александра II либерализм, как показалось некоторым, получил ореол государственной политики. «По счастливому стечению обстоятельств, - явил К. Леонтьев, - русскому либерализму не представлялось никакой нужды быть началом *оппозиционным*. Напротив, при освобождении крестьян, равно как и при последующих реформах, так называемые “либералы” являлись вполне *правительственной партией*»¹, - писал Константин Леонтьев. Собственно, похожего взгляда на либерализм придерживались и русские радикалы. Однако, если взглянуть на эту проблему с исторического расстояния, мы можем заметить постоянную оппозиционность русских либералов. Даже в эпоху Александра Освободителя они старались дистанцироваться от наиболее одиозных правительственных действий и заявлений.

Сложность этой позиции в ту эпоху очевидна. Дело в том, что он утвердился в России в параллель с революционным и нигилистическим движением. И безусловно, либералы боялись как нигилизма, так и возбужденного им восстания масс, новой пугачевщины. Поэтому порой они шли на союз с государством, опасаясь революционного движения. Ключевой фигурой в данном случае мне представляется редактор-издатель журнала «Русский вестник» и газеты “Московские ведомости” Михаил Никифорович Катков (1818-1887), начинавший как сторонник и даже идеолог классического либерализма в его англоманском варианте, но затем, в своем отстаивании либеральных ценностей, не просто пошедший на союз

¹ Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К.Н. Избранное. М.: «Ра-
рог», «Московский рабочий», 1993. С. 169.

с имперским государством, но попытавшийся в своих целях использовать всю силу и традицию самодержавного правления, теряя на этом пути контакт с либеральным обществом, а в каком-то смысле подрывая и имперские принципы. Такие парадоксы исторического развития, понимать их необходимо.

1. Первые шаги

Первый этап жизни и деятельности Каткова (примерно до 1855 года) есть своего рода увертюра, пролог, в котором наметились темы, получившие развитие впоследствии, когда Катков был уже не просто многообещающим молодым критиком и не рядовым профессором Московского университета, а вождем целого направления. Беглый обзор этого периода позволит понять, как формировался Катков, ибо к изданию “Русского вестника” он приступил уже совершенно зрелым человеком, сложившись как мыслитель и идеолог.

Катков родился 1 ноября 1818 года в Москве. Его отец, небогатый канцелярский чиновник, выслуживший личное дворянство, скончался, когда мальчику было пять лет. Наследства мальчик не имел, роду был незнатного, но желал пробиться, был при этом даровит и верил в свои силы - классический вариант молодого буржуазного честолюбца. В 1834 году Катков поступил в Московский университет на филологическое отделение. Занимался он столь успешно, что его ответы собирались слушать студенты всех курсов. Ему прочили блистательную ученую карьеру, и он упорно, трудолюбиво ее добивался. Ученая карьера обеспечивала спокойную жизнь в достатке. Однако какие возможности были в тот период в России, чтобы реализовать полностью стремления молодого честолюбца, добиться только обеспеченности, но и известности, славы, как-то воздействовать на развитие России в духе своих идеалов?

Литература? Катков успешно занимался литературной критикой. «Какая даровитость, какая глубокость, сколько огня душевного, какая неистощимая, плодотворная и мужественная деятельность! – с восторгом пишет Н.В. Станкевичу в октябре 1839 г. Белинский. - Во всем, что ни пишет он, видно такое присутствие мысли, его первые опыты гораздо мужественнее моих теперешних»². На какой-то период Катков, по существу, отказался от карьеры ученого, ввязался в борьбу литературных партий на стороне западников-прогрессистов, примкнув к кружку

² Белинский В.Г. Собр. соч. В 9-ти тт. Т. 9. М.: Художественная литература, 1982. С. 279.

Станкевича и Белинского, самым молодым членом которого он и стал. Он активно сотрудничает в журналах, пишет статьи, обзоры, ведет библиографию, переводит немецких эстетиков, стихи Гейне, его перу принадлежит первый полный перевод «Ромео и Юлии» Шекспира. «“Отечественные записки”, - писал Белинский В. П. Боткину (4 октября 1840 г.), - издаются трудами трех только человек - Краевского, Каткова и меня»³.

Однако позиция Каткова отличалась от позиции Белинского. Он западник, но влюбленный в него Белинский упрекает Каткова в «москводушии». Он защищает европейскую культуру с ее традицией личной независимости, самостоятельности; для него в эти годы, как и для других «русских европейцев», совершенно неприемлема идея "официальной народности". Катков в восторге от петровских реформ, принимает их целиком. В идеализации Петра как просвещенного монарха, перестраивавшего Россию на европейский лад, ясно видна оппозиция Каткова николаевскому режиму, совершившему по сути антипетровскую контрреформу.

Полемизируя с идеологами николаевской политики обособления России от Западной Европы, в 1839 г. он пишет: «Только с Петра возникла Россия, могучее, исполинское государство; только с Петра русский народ стал нацией, стал одним из представителей человечества, развивающим своею жизнью одну из сторон духа; только с Петра вошли в его организм высшие духовные интересы, только с него начал он принимать в себя содержание развития человечества. А до Великого у нас не было ни искусства, в собственном смысле этого слова, ни науки»⁴. Российская Империя, российское государство, по Каткову, есть порождение русского народа, и в этом его величайшая историческая заслуга, поскольку именно созданная Петром империя внесла в Россию европейскую цивилизацию, введя страну в круг мировых держав: «Кто же после этого скажет, что жизнь русского народа была бесплодна? Кто будет жаловаться, что он во все времена своего продолжительного существования ничего не совершил, ничего не породил?.. Разве ничего не значило породить эту неодолимо мощную и внутри и вне, эту необъятную монархию? Разве эта монархия не свидетельствует о дивной силе народа, ее создавшего? Какое государство, укажите, может сравниться с нею по объему и могуще-

³ Там же. С. 403.

⁴ Отечественные записки. 1839. Т. 4, отд. 6. С. 8.

ству и по изумительной силе ассимилирования?»⁵. Творческая потенция теперь только у самодержавия, считает Катков, которое европейской культурой вдохнуло жизнь в огромный государственный организм, созданный народом. Таков вкратце смысл историко-культурной концепции Каткова, определившейся еще до 1840 года.

К этому времени складывается Катков - “консервативный западник”, как определяют его западные ученые⁶. Поездка Каткова в 1840 году в Германию, где он проводит два года, бедствует, но упорно занимается философией, слушает с благоговением лекции “позднего Шеллинга”, есть не что иное, как поиски философского обоснования уже готовой концепции. Там он чуть не женится на дочери великого философа, но все же избегает этого и возвращается в Россию.

По возвращении из Германии он расходится с Белинским. Разрыв назревал давно. Еще в 1840 г (в апрельском письме Боткину) Белинский буквально произносит панегирик Каткову, оправдывая недостатки юностью: «Он полон дивных и диких сил, и ему предстоит еще много, много наделать глупостей. Я его люблю, хотя и не знаю, как и до какой степени. Я вижу в нем великую надежду науки и русской литературы. Он далеко пойдет, далеко, куда наш брат и носу не показывал и не покажет»⁷. Но уже через время в письме к тому же Боткину Белинский выказывает растерянность перед характером Каткова, в котором прежде всего отмечает не замечавшиеся прежде самолюбие и эгоизм: «Да, много, много пятен в этой, впрочем, прекрасной натуре. Время образует ее. Есть натуры, трудно и туго развивающиеся – к таким принадлежит и натура нашего юноши. <...> Только он носит в себе страшного врага – самолюбие, которое при его кровавом, животном организме черт знает до чего может довести его. Удивительно верно твое выражение “бравады субъективности”: это конек, на котором наш юноша легко может свернуть себе шею. Самолюбие ставит его в такое положение, что от случая будет зависеть его спасение или гибель, смотря куда он поворотит, пока еще время поворачивать себя в ту или другую сторону»⁸. Существенную роль в этом разрыве сыграли политические мотивы. Белинский все стремительнее шел к радикализму,

⁵ Там же. С. 36.

⁶ См. *Katz M. Mikhail N. Katkov. A political biography. 1887. The Hague — Paris, 1966.*

⁷ *Белинский В.Г. Собр. соч. В 9-ти тт. Т. 9. С. 365.*

⁸ Там же. С. 433-434.

Катков же при всем своем европеизме оставался при взглядах консервативных, в которых еще больше укрепился после поездки в Германию.

Катков отходит от литературы. Быть в николаевский период литератором означало полную невозможность житейского преуспевания для человека с хотя бы немного развитым чувством собственного достоинства. Существовал либо путь Белинского, путь полного разрыва с официальной идеологией, грозивший тяжкими лишениями или гибелью, либо путь Булгарина и Греча, принципов не имевших. Надежного положения эта профессия не давала даже людям, до конца разделявшим официальную идеологию, чего о себе молодой Катков сказать пока не мог. Не было у него и поместья, денег, позволявших, как, например, славянофилам, редкое выступление в печати. Но существовал в России иной способ «выбиться в люди» - путь традиционный, проверенный веками: приобретение чинов. Чин в России значил чрезвычайно много, это Катков прекрасно понимал. Как замечал С.М. Соловьев, начиная с XVIII века «в России значительный чин был тот же револьвер, необходимый для известной безопасности»⁹. Чиновного положения ученого добивался великий Ломоносов.

Путь по ступеням государственной службы был долгов, ненадежен и зависел, как правило, не от деловых качеств молодого человека, а от связей, родственных отношений и знакомств. Ученая карьера, давая те же чины, определялась в какой-то мере и личными способностями человека. Но к этому надо добавить, что карьера профессора в России была в описываемый период той же службой, немногим отличной от других служб: царизм создавал слой так называемой «правительственной интеллигенции» (определение Г. Шпета). И то, что ученые люди были, по существу, приравнены к чиновникам, служило им во спасение в самые мрачные годы николаевского режима. Неслучайно, считая гарантией независимого положения личности в России, защищенности от резких смен политического климата, звание, чин, определенное служебное положение, Катков возвращается к науке. Любопытно, однако, замечание Шпета, по сути дела объясняющее поступившую университетскую эволюцию Каткова: «Профессора, которые в схоластической

⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. XIII. Т. 26. М.: Мысль, 1994. С. 506.

скромности не хотели отказаться от влияния на общественное мнение, должны были переходить от университетской кафедры к конторке журнала»¹⁰.

Катков ищет покровителей, помнивших о его ученых успехах, находит их и после защиты магистерской диссертации «Об элементах и формах славяно-русского языка», получает в 1845 г. кафедру философии в Московском университете, где остается до 1850 г.. По своим взглядам он типичный западник либерально-буржуазного толка, не очень еще проявившийся, - так сказать, «либерал в подполье». С Николая, по мысли Герцена, правительство и просвещение уже перестали идти рядом. Сил у русского либерализма никаких еще нет, опоры в культуре и традициях тоже нет - Россия пока страна далеко не буржуазная. И Катков не похож еще на того будущего, всесильного Каткова, смещавшего своим словом министров. Университетская служба для него - якорь спасения. Однако режим достал его и там: кафедра философии была закрыта, ибо рациональное понимание мира стало подозрительным, особенно понимание, следующее идеям немецкой философии. Бывший профессор философии вынужден в 1851 г. стать редактором университетской газеты «Московские ведомости». Газета вдвое увеличила подписку, но не более того. Зато жизнь самого редактора была полна своеобразных приключений.

Об одном стоит сказать два слова: в николаевские годы (а точнее, в 1840 г.) чуть не случилась дуэль между будущим отцом русского и мирового анархизма и нигилизма, воспевавшего разбой как социальную революцию, воспитателем Нечаева - Михаилом Бакуниным и будущим защитником права, государственности, самодержавия, прочного положения страны, создателем классических гимназий с опорой на античную культуру как антитезу нигилизма - Михаилом Катковым. Ситуация в известном смысле символическая. Да и причина дуэли любопытна. Бакунин случайно застал довольно фривольную сцену, где мужчина сидел у ног дамы, положив голову ей на колени, а действующими лицами были Катков и Мария Львовна, первая жена Н.П. Огарева (тоже фигура для русской культуры не проходная). Бакунин понес сплетню по знакомым. Катков вызвал его на дуэль. Бакунин благоразумно предложил перенести поединок за границу, куда вскоре и уехал. Катков за ним последовал. Но причина дуэли осталась далеко, в России, и

¹⁰ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 115.

Бакунину удалось кончить дело миром. Но характер обоих проявился в полной мере.

В начале 50-х Катков женится на дочери известного своей бездарностью поэта князя Шаликова. Дочь его была бедна и тоже не отличалась особой сообразительностью. Причину этого брака не поняли даже друзья, а Тютчев «по поводу этого странного союза человека не только умного, но почти гениального» пустил острогу, что «вероятно, Катков хотел свой ум посадить на диету»¹¹. Смерти Николая I не ждал никто. Всякий деспотический режим претендует на вечность и пробуждает чувство безнадежности в поданных государства. Делать нечего, лучше спать: отсюда Обломов как символ русской жизни. Крымское поражение, свобода, которой повеяло с 1855 года в общественной атмосфере, разбудила многих, в том числе и Каткова. Начиная с этого времени, окончательно оформляются его взгляды, и он превращается в общественного и культурного деятеля, в идеолога целого направления.

2. Пришло время

В царствование Александра II происходит становление русского варианта капиталистических отношений. Для развития буржуазной самодеятельности необходим хотя бы минимум свобод, а этих свобод были лишены все слои общества - следовательно, и те, которые по своему социальному положению были чем-то вроде западноевропейской буржуазии, но по своему мироощущению были равно бесправны со всеми прочими подданными российского самодержавия. Великие реформы царя-освободителя были явным отказом от самодержавной политики отца, Николая I, возвратом к имперской реформистской позиции Петра Великого, о чем писали практически все публицисты тех лет. Более того, именно Николая Катков считал «одним из главных виновников нашего нигилизма»¹².

Катков стал выразителем этого слоя людей, радовавшихся возможности свободно говорить законные вещи на законных основаниях. Для России и это было неслыханно. Никогда, положим, официально не поощрялось взяточничество, воровство, подкупы, казнокрадство и тому подобное, но и никогда нельзя было вслух сказать о том, пороки эти в России имеются. Катков (вместе с несколькими московскими либералами - Е.Ф. Коршем, А.В. Станкевичем, П.Н. Кудрявцевым и

¹¹ Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. Воспоминания. М.: Новости, 1991. С. 103.

др.) обращается к правительству с просьбой об издании журнала и вскоре, после небольших промедлений, в 1856 г. получает разрешение на издание «Русского вестника». С 1858 г. он, оттеснив остальных, становится единоличным редактором журнала. Шаг решительный со стороны человека, бездействовавшего пятнадцать лет. Значит, почувствовал, что пришло его время.

Какую же позицию занимает среди журналов той поры «Русский вестник»? Еще не начались экономические и философские споры вокруг крестьянской реформы - идет эстетическая полемика.

В первом же номере «Русского вестника» - статья Каткова о Пушкине.

«Характер общего воззрения, - писал Чернышевский, - которым «Русский вестник» намерен руководиться при рассмотрении вопросов, касающихся истории нашей литературы, определился, кажется, с более или менее достаточною для его читателей ясностью направлением статьи г. Каткова, «Пушкин». Автор занят исследованием художественной стороны в произведениях нашего великого поэта, определением и уяснением законов творчества, которые с особенною точностью могут быть подмечены в его таланте. При этой высокой точке зрения, конечно, историческая связь художника с его веком, биографические мелочи и общественное значение его созданий имеют только второстепенное значение, и все клонится к разрешению чисто эстетических задач. Большая часть рецензий, помещенных в «Русском вестнике», подтверждают своим характером уверенность, возбуждаемую этой капитальной статьей журнала: он хочет быть органом художественной критики»¹³.

Через пару лет стало понятно, что замысел Каткова был более глубокий – он безусловно хотел влиять на общество. Ни Дружинин, ни Анненков не выходили за пределы собственно эстетического спора, они отстаивали независимость художника от практической жизни, его незаинтересованность в делах общества, но считали при этом, что спор их и вправду только эстетический. Самосознания своей позиции, связи ее с неким целостным пониманием общества у них не было.

Катков подходит к вопросу серьезнее и глубже, он утверждает связь эстетических взглядов с определенным типом общественных отношений, с развитием и становлением буржуазного общества. «Точно ли есть такие разобщенные сфе-

¹² Там же. С. 106.

ры, которые бы не оказывали взаимного друг на друга влияния и не действовали на всю совокупность человеческого сознания и жизни?»¹⁴ - иронизирует он, аргументируя таким образом свое главное кредо: «Вы хотите, чтобы художник был полезен? Дайте же ему быть художником, и не смущайтесь тем, что он с полным усердием занят изучениями и приготовлениями, которые имеют своею единственною целью дело искусства. Когда дело исполнится, когда оно явится на свет, оно непременно окажет влияние на все стороны человеческого сознания и жизни, и окажет тем сильнейшее влияние, чем более будет соответствовать условиям своей внутренней природы»¹⁵.

Для Каткова свобода в искусстве есть показатель и предшественник свободы во всех областях общественной жизни. Вот как он формулирует свое теоретическое кредо: «Поэзия ознаменовывает первое пробуждение народа к исторической жизни, искусство и знание сопутствуют его развитию и служат самым лучшим выражением силы и свойства развития. Народы самые практические отличались высоким и сильным развитием умственной и художественной деятельности, которая, по-видимому, была совершенно чужда текущих вопросов и дневных интересов, но которая в самом-то деле была совершенно необходима для успехов жизни. <...> Линии Рафаэля не решали никакого практического вопроса из современного ему быта; но великое благо и великую пользу принесли они с течением времени для жизни; они могущественно содействовали к ее очеловечению. Действие великих произведений искусства остается не в одной лишь ближайшей их сфере, но распространяется далеко и оказывается там, где об идеалах художника нет и помина». Катков по сути дела пересказывал здесь идеи великого английского мыслителя Давида Юма, тесно соединявшего искусство и принцип экономической независимости, буржуазной жизни, который писал: «По мере совершенствования искусств люди становятся более общительными. <...> Совершенствуясь от полученных научных знаний и свободных искусств, люди неизбежно станут более человечными вследствие самой привычки взаимного общения, принимая друг друга и доставляя друг другу взаимное удовольствие. Таким образом, *предприимчивость, знания, и гуманность* связаны вместе неразрывной цепью; в своей осно-

¹³ Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. III. М.: ГИХЛ, 1947. С. 642.

¹⁴ Катков М.Н. Пушкин // Русская эстетика и критика 40-50-х годов века. М.: Искусство, 1982. С. 389.

ве они, как нас учат опыт и разум, присущи более культурным эпохам, именуемым обычно эпохами изобилия»¹⁶. Этого изобилия и хотел для России Катков, свято веря в силу буржуазного предпринимательства. Надо сказать, что уже после русские либералы (Кавелин прежде всего) стали искать опору в идеях английско-го сенсуализма, у Джона Локка, но первым сделал шаг от немецкой философии к английской Михаил Катков.

Катков требовал развития в России чувства личной независимости, личного достоинства и самоуважения, развития правосознания, выступал за свободу печати, свободу высказываний во всех областях общественной жизни, даже в религиозной. «Богатство литературы и жизни, - писал он, - возможно только там, где люди действуют по внутреннему убеждению... Кто знаком с нашим духовным миром, тот знает, что в настоящее время у нас обыкновенно говорят и пишут о том, о чем всего менее думают. Пугало ереси, в лицо духовной цензуры, парит над нашею церковною жизнью и леденит все, что находится в границах этого царства»¹⁷. Однако Катков - мыслитель консервативный, спокойный. Его симпатии именно к Англии - не случайны. Это была страна по тем временам наиболее развитого и укоренившегося капитализма и буржуазного индивидуализма. Укоренение новых принципов, считал Катков, возможно только там, где оно идет постепенно, приучая годами и веками народ к новому мировосприятию, насильственный же переворот обречен на провал. Поэтому так близок ему английский вариант, где и принцип личности на высоте, и традиции культуры не нарушены, а пронизаны этим принципом, укрепились им, стали без него невысказанными. И монархия не мешает буржуазии, а буржуазия - монархии, это было особенно важно идеологу капитализирующейся России. «Разумное преобразование, - утверждал Катков, - есть улучшение существующего; сродство разумного преобразования - устранение недостатков, обнаруживающихся в существующем порядке, и, следовательно, сохранение в нем всего того, что удовлетворительно. Основой преобразований должен быть существующий порядок»¹⁸. Катков мечтал в конце 50-х - начале 60-х о возникновении в стране «русского торизма», организовавшего бы влиятельные консервативные силы, которые, как в Англии, отстаивали бы идеи

¹⁵ Там же. С. 388.

¹⁶ *Хатчесон Фр., Юм Д., Смит А.* Эстетика. М.: Искусство, 1973. С. 385.

¹⁷ *Катков М.Н.* О церкви. М., 1905. С. 41-42.

¹⁸ *Катков М.Н.* О дворянстве. М., 1903. С. 5

разумных реформ и самоуправления. Как вспоминал его современник, известный чиновник Е.М. Феоктистов в своей книге «За кулисами политики и литературы», «Катков задался мыслью, что для России необходима система самоуправления в широких размерах. <...> Самоуправление дало пышный цвет на английской почве - отсюда преклонение Михаила Никифоровича перед Англией»¹⁹.

Впервые, опираясь на принципы издания английских журналов, он вводит в русский журнал раздел политических новостей и политических обозрений, категорически запрещенных при Николае Первом. Затем добивается создания еженедельной газеты «Современная летопись», а в 1861 г. берет в аренду уже известную ему газету «Московские ведомости». Этим он сильно политизировал вялую общественную мысль России, а сам стал тем влиятельным публицистом, власть которого порой превосходила власть самых высоких чиновников. Можно даже вспомнить о таком парадоксальном эпизоде, как поездка Каткова в Лондон к Герцену, где он пытался убедить знаменитого эмигранта перейти на либеральные позиции для более успешного продвижения реформ. Не удалось. И тогда он осмелился вступить в открытую борьбу с кумиром русской публики. Правда, здесь его поддержал либеральный мыслитель весьма высокого класса - Борис Николаевич Чичерин, вполне резонно утверждавший, что «призыв к топору» исходил не из России, а из узкого круга герценовских друзей²⁰.

Катков выступает против общинного принципа в русской культуре. Община сковывает частную инициативу в развитии экономической и культурной жизни, считает Катков. Он полемизирует со славянофилами, винит их в идеализации прошлого, в слепоте к действительности, но основной удар направляет против идей Чернышевского. Общинный принцип как таковой представляется Каткову «неразумно консервативным», подавляющим индивида. Но «общинность» русских демократов казалась ему ее худшим вариантом. В их позиции он видел предвестие, угрозу коммунистического изменения общества. Не будем сейчас спорить, имел ли, скажем, Чернышевский отношение к этим коммунистическим идеалам.

¹⁹ Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. С. 108-109.

²⁰ Обращаясь к Герцену в «Письме к издателю "Колокола"», он писал: «Вы открываете страницы своего журнала безумным воззванием к дикой силе; Вы сами, стоя на другом берегу, со спокойной и презрительной иронией указываете нам на палку и на топор как на поэтические капризы, которым даже мешать неучтиво. Палка сверху и топор снизу – вот обыкновенный конец политической проповеди, действующей под внушением страсти! О, с этой стороны Вы встретите в России много сочувствия!» (Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов // Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 368).

На мой взгляд, его антиплатоновская позиция вполне близка идеям буржуазного рационализма. Но весьма существенно увидеть, как Катков понимал коммунизм. «В коммунизме, - писал он, - исчезает все человеческое, всякая возможность человеческого существования. Если бы какая-нибудь магическая сила, послушавшись прельщения этих утопий, решилась вывести их из фантазии в действительность, то совершилось бы нечто совершенно противоположное ожиданию; возвратилось бы мгновенно то состояние, из которого таким медленным, таким тягостным трудом вырабатывалось человечество; вместо исцеления от недуга исчезло бы только то, что чувствует его, исчез бы самый организм, который ищет здоровья, и безгранично разлилась бы та самая стихия, которой не вполне замиренное присутствие в современном обществе составляет всю силу его недуга. Насильственный передел собственности возобновил бы все варварство завоевания, воскресил бы эпоху переселения народов, и человечеству предстоял бы старый путь...»²¹.

Катков был уверен, что русские нигилисты отрицают культуру, еще не успев вкусить ее плодов, отрицают личность, которая и сложиться-то толком в России не успела, и зовут к варварству страну, и без того далеко не цивилизованную. Поэтому Катков пытается провести и утвердить в русской культуре буржуазные принципы жизни. Как видим, на этом этапе своей деятельности Катков безусловно находится в кругу идей классического либерализма. Не случайно, очевидный русский консерватор Николай Данилевский не принял трактовки нигилизма, предложенной Катковым. «Каким образом, - спрашивал он, - газета, подобная "Московским ведомостям" (обыкновенно столь здраво смотрящая на вещи), под влиянием, справедливого впрочем, недовольства нашею системою общественного образования – обращает нигилизм в произведение русской почвы? Это решительно непонятно. Нигилизм – ни более, ни менее как одна из форм нашего европейничанья»²². Впрочем, «европейничанье» и было произведением именно русской почвы, а не западной. Так что нападение Данилевского было не совсем уместным. Тем более, что начиная с 1862-63 гг., позиция Каткова усложняется. Усиливается в стране радикализм, либеральные реформы отрицались нигилистами, но одновременно тормозились и чиновничеством, которое поневоле связыва-

²¹ Русский вестник. 1858. Т. 17. С. 233—234.

²² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Издание Н. Стрхова, 1889. С. 314.

ло Великие реформы с развитием нежелательной свободы. Государство было в растерянности. Опаснее всего казалось Каткову в этой ситуации неустойчивость русской империи, которую может пошатнуть любая революционная акция. А тем самым Россия может потерять и те реформы, которые уже были получены.

3. Защитник либеральных принципов в имперском контексте

В политике первой акцией Каткова было требование решительного подавления вооруженной силой польского восстания 1863 года. Если русская империя, напуганная угрозами западноевропейских держав, пыталась вначале решить дело миром, Катков сразу же, несмотря на запрещения и огромные штрафы, налагаемые на его газету цензурой, заговорил о необходимости военных акций против Польши. Этот год - год наибольшей популярности Каткова среди российского дворянства и чиновничества. По мнению обывателей, в неравной борьбе именно журнальный публицист сумел переубедить правительство и повести его за собой.

В «Московских ведомостях 18 апреля 1863 г. он писал: «Отныне для прекращения мятежа нужно не столько истребление шаек, сколько крепкая и надежная администрация края. Не все в Польше радуются восстанию. Напротив, большинство народонаселения страдает от мятежа и, без сомнения, желает, чтобы приняты были все нужные меры для ограждения собственности и жизни людей от терроризма революции»²³. Как объяснить выступление Каткова? Польша посягнула на русское государство, потрясение было сильное, царь и сановники растерялись - и тут на защиту империи выступил неожиданный и незванный защитник, посчитавший делом своей жизни защиту Русского государства. Так «частное лицо», человек *не находящийся на службе*, газетно-журнальный издатель, почувствовал себя выразителем «русского государственного самосознания», как именовали его в посмертных панегириках.

Катков смел критиковать высших чиновников за недостаток государственного смысла, в чем было усмотрено недоверие к правительству. В 1866 г. он раздражил власти до такой степени, что газета «Московские ведомости» получила предостережение, которое Катков, вопреки тому, как полагалось по закону, не напечатал, а поместил передовую статью, протестуя против этой карательной ме-

²³ Катков М.Н. Слабы не силы наши, а слабы наши мнения. Необходимо подавить восстание // Катков М.Н. Имперское слово. М.: Москва, 2002. С. 115.

ры. Газета была на грани, если не закрытия, то смены редакторов. Но тут случилось 4 апреля покушение Каракозова на императора. А чудесное спасение самодержца вызвала патриотическое воодушевление даже среди университетской молодежи. И интересно, что в этом своем порыве студенты по сути дела объявили, что они единодушны с государственной позицией Каткова. Как вспоминал граф Д.А. Милютин, «толпа студентов <...> двинулась к Иверской часовне, пропела там гимн. <...> На университетском дворе вышел навстречу студентам сам ректор Баршев и произнес речь, вызвавшую восторженные "ура". Генерал-губернатор князь Долгоруков также вышел на крыльцо, выслушал с непокрытой головой два раза пропетый студентами гимн, и затем вся толпа устремила к Страстному бульвару, к университетскому зданию, где помещалась типография и редакция "Московских ведомостей". Вызванные студентами редакторы Газеты Катков и Леонтьев прослушали пропетый много раз гимн, и затем один из толпы подошел к редакторам и произнес речь, в которой, от лица всех присутствовавших, выразил общее сочувствие и благодарность редакторам за полезную и честную их деятельность. Вся толпа подтвердила это заявление криками "ура"»²⁴ Очевидно, что студенчеству бывал в те годы близок не только революционный радикализм, но и другие движения мысли, но лишь те, где молодежь могла почувствовать искренность и самостоятельность высказанной позиции. А это во все эпохи молодежь привлекает. К тому же независимость Каткова по отношению к неподвижному русскому чиновничеству была очевидной, ведь газету пытались запретить. Впрочем, через месяц по протекции шефа жандармов, который представил Каткова лично императору, издание газеты под руководством тех же редакторов было возобновлено. Как пишет современный историк, император «встретился с Катковым и просил его возобновить издание газеты»²⁵. По словам уже цитировавшегося мемуариста, «22 же июня вышел опять номер возобновленной газеты с подписью прежних издателей-редакторов. Москва ликовала. Начались снова овации Каткову и Леонтьеву»²⁶.

Сохраняет ли Катков при таком резком повороте свою приверженность либерализму? Очевидно, что перемена общественно-политической позиции - откоро-

²⁴ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865-1867. М.: РОССПЭН, 2005. С. 325.

²⁵ Геллер Михаил. История Российской империи. В 2-х тт. Т. 2. М.: МИК, 2001. С. 348.

²⁶ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. С. 328.

венное (непривычное для профессорского либерализма, например, типа кавелинского) выступление в защиту целостности империи - не могло не заставить Каткова иначе подойти к проблеме либеральных свобод. Теперь Катков заявляет, что высшее проявление свободы - *в служении* престолу и государству. «Плодотворно только то право, - писал он, - которое видит в себе не что иное, как обязанность»²⁷. Сошлюсь снова на Мих. Геллера: «В столкновении между свободой и государством русское общественное мнение выбрало государство и пошло за Михаилом Катковым, отвергнув Герцена»²⁸. В 1862 году в статье, написанной по поводу «Отцов и детей» Тургенева, он выступает с чисто публицистическим прочтением романа. Его интересует не эстетическая сторона тургеневского произведения, а возможность, опираясь на истолкованные под определенными углом образы романа, нанести удар русскому нигилизму. Перечислив пороки нигилизма, против которых, как считает Катков, бороться почти что невозможно, ибо ими заражено едва ли не все русское общество, он заключает свою статью словами: «Есть только одно верное радикальное средство против этих явлений - усиление всех положительных интересов общественной жизни. Чем богаче будет развиваться жизнь во всех своих нормальных интересах, во всех своих положительных стремлениях, религиозных, умственных, политических, экономических, тем менее будет оставаться места для отрицательных сил в общественной жизни»²⁹. Но, как пишет исследователь русского либерализма, в эти годы Катков остается *консервативным либералом*, который убежден, «что революционное учение ничего общего не имеет с настоящей наукой и что напротив, распространение этих революционных учений является последствием подавления научного мышления и научной свободы»³⁰.

Он был не одинок среди русских литераторов, совпадая с такими огромными художниками, как, скажем, Фет. Уход в антинигилистическую публицистику К. Случевского, А. Фета, антиразночинский роман Льва Толстого «Война и мир», романы Лескова «На ножах» и «Некуда», - события, характерные для эпохи. Однако борьба с нигилизмом не всегда оборачивалась поворотом в сторону империи и имперского сознания. Известен антигосударственный пафос позднего Тол-

²⁷ Катков М.Н. О печати. М., 1905. С. 17.

²⁸ Геллер Михаил. История Российской империи. Т. 2. С. 348.

²⁹ Русский вестник. 1862. Т. 40. С. 425-426.

стого, да и весьма многие либералы-западники вроде Тургенева остались верны идеалам юности, боясь унизить свою позицию союзом с государством.

«Русский вестник» становится органом, ведущим непримиримую борьбу с нигилизмом. Почти все русские антинигилистические романы были опубликованы именно в этом журнале. Катков был жесткий редактор: все, что не отвечало его запросам, его политическим требованиям, он беспощадно вычеркивал или переписывал своей рукой. Так, от Каткова страдали не только рядовые литераторы, но и крупнейшие писатели России - Достоевский и Лесков. Правке подверглись, скажем, такие романы Достоевского, как «Преступление и наказание» и «Бесы», даже глава о «великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых». Преклонений перед литературными репутациями у него не было. Когда последняя часть «Анны Карениной» показалась Каткову не отвечающей его идеологическим устремлениям, он потребовал исправлений. Толстой отказался и напечатал эту часть отдельным изданием (он был в отличие от Достоевского и Лескова в материальном отношении человек независимый).

С 60-х годов Катков пытается утвердить буржуазную цивилизацию в России, опираясь на имперское начало России. Одним из основных вопросов для страны был вопрос об образовании. После крымского поражения стало ясно, что николаевский откат от идей петровского просветительства губителен, что без внедрения новейших научных и технических достижений Россия неминуемо потеряет свое положение сильной державы. Однако, как полагал министр народного просвещения Д. Толстой, русское образование должно быть ориентировано на классическую древность, что поможет отвлечь молодежь от современных проблем. Публицистическим выразителем этого возврата к «имперскому просветительству» стал Катков, активно содействовавший созданию в России классических гимназий. Себя Катков считал одним из самых верных последователей Петра, утверждавшего русский вариант европейской великой Империи под монаршей властью и опекой. Катков заявлял, что именно Славяно-греко-латинская академия, которой покровительствовал Петр, создала Ломоносова, следовательно, и его гимназии послужат формированию новых великих российских ученых. Но, быть может, еще важнее, что гимназии внесут чувство *историзма* в юные умы. Со вре-

³⁰ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. / Пер. с нем. Ирины Иловской. Париж, УМКА-PRESS, 1980. С. 186.

мен Чаадаева не раз говорилось, что Россия находится как бы вне истории, что каждый должен собственными усилиями связывать преемственную линию исторического развития человечества. Катков хотел преодолеть этот нигилистический фактор русского ума, в 1871 г. он писал: «Изучение древних языков называется обыкновенно умственной гимнастикой, но этим недостаточно определяется их значение при воспитании. Они не только формально развивают умственные силы учащихся, но и оплодотворяют и обогащают их. Посредством изучения этих языков учащиеся знакомятся не через чужие пересказы, а собственным чувством и собственной мыслью с великими основными фактами умственной жизни всего образованного человечества. Каждое слово этих языков есть уже факт исторический. Но, ограничиваясь языком, учащиеся вступают в самый мир, которого языки эти были выражением. Они усваивают себе содержание великих произведений, составляющих наследие всех цивилизованных народов, родня их между собой»³¹.

Вместе с тем именно Катков явился одним из учредителей земства, то есть тех представительных низовых учреждений которые должны были бы стать основой гражданского общества. 12 апреля 1863 г. Катков писал: «10 апреля открылась наконец новоустроенная городская Дума в Москве. <...> Вслед за Москвой и другие города не замедлят получить то же учреждение. А вместе с городами то же начало единения сословий в общественном деле распространят по всему лицу Русской земли земские учреждения, уже приготовляемые законодательным порядком. Нет сомнения, что из этих начатков сама собой разовьется новая общественная организация вместо доселе господствовавшей у нас. Сословия еще остаются, но они сближаются между собой и соединяются в совокупной деятельности. Из этого сближения существующих сословий не преминет выработаться сам собой новый тип общественной организации»³². Другое дело, что общество должно быть структурировано, и без высшего культурного слоя, который будет ориентиром для всех сословий, невозможно задать должное направление общественного развития - свободное, просвещенное и антинигилистическое.

³¹ Катков М.Н. Свод существенных черт настоящей классической школы. Перед рассмотрением проекта нового устава гимназий в Общем собрании Государственного совета // Катков М.Н. Имперское слово. С. 275.

³² Катков М.Н. Самодержавие царя и единство Руси // Катков М.Н. Имперское слово. С. 109.

Катков ратовал за просвещение элиты, высшего слоя, за создание рафинированно образованных людей, которые могли бы служить российскому государству на пути его вхождения в европейскую систему ценностей, слоя людей утонченной культуры. Редактору “Русского вестника” казалось, что высокий уровень культуры этого слоя может компенсировать его немногочисленность. Интересно, что создание независимо мыслящей элиты была для него залогом оживления всех сторон российской жизни, в том числе и церковной. В 1868 г. он писал: «Что бы ни говорили защитники папства, ей (церкви. - *ВК.*) не может принадлежать государственная власть, но потому же самому она не может быть также и полицейским учреждением, не слабея в своем существе, не лишаясь своего духа. Ошибочно было бы думать, что церковь, опираясь на силу ей не свойственную, может в то же время сохранять в себе и ту силу, которая ей свойственна. Нет, одно из двух. Чем более церковь, как и всякое духовное дело, опирается на силу ей внешнюю, тем более бездействует она внутренне. Дух, без которого люди начинают обходиться, отлетает от них, и дело, лишенное жизни, подпадает под закон механизма. Истина только там, где есть убеждение в ней, где есть вера в ее силу. Если люди привыкают поддерживать свое дело механическими способами, то дело мертво в их руках, и они теряют веру в него»³³.

4. Разрыв с культурной элитой

Отношение к Пушкину и пушкинской поэзии всегда служило проверкой для определения эстетической и культурной позиции любого русского мыслителя. Эстетико-культурная позиция Каткова получила окончательное выражение в его статье, посвященной пушкинскому юбилею 1880 года.

Что же, опираясь на Пушкина, сказал Катков о русской жизни? Начинает он свое рассуждение издалека. Как мы уже упоминали, основная заслуга русского народа, по Каткову, - это создание мощного государства. Русский народ просыпается для деятельности, полагал он, только тогда, когда грозит опасность государству - его созданию, его детищу, - таковы 1612 и 1812 годы. Но «жизнь народа и его призвание, - пишет Катков в своей “пушкинской” статье, - не исчерпываются делом государственной нужды... Чем производительнее творчество мысли среди народа, чем выше подъем духа в его избранных людях, чем обильнее и плодо-

³³ Катков М.Н. О церкви. М., 1905. С. 19.

творнее раскрываются в нем дары Божии, тем возвышеннее становится его положение в мире и тем он любезнее и дороже для человечества <...> В Пушкине все-народно чувствуется великий дар Божий. Ему не доводилось спасать отечество от врагов, но ему было дано украсить, возвысить и прославить свою народность»³⁴.

Итак, народ, создав государство, считает Катков, создает духовную элиту, которая и будет его выражать. Государство и элита - две силы, рожденные народом, уже поэтому они близки, взаимосвязаны, поддерживают друг друга. И Божий дар сам приводит русского поэта к государственному самосознанию. «Не из среды, которою Пушкин был окружен, но из своих вдохновений вынес он и глубокое народное русское чувство, - замечает Катков, - и свой исторический смысл, и свою веру в назначение русского народа. В поэзии Пушкина найдем мы источники чистейшего патриотизма»³⁵.

Катков продолжает: «Не говорим: какая сила слова, но какая сила гражданского чувства и ясность политического разума! Протекло тридцать лет, и возник тот же вопрос, - но в каком состоянии застигнута им наша литература, которая тогда получила уже голос и пустилась в политику? Наша литература занималась тогда поруганием и самого Пушкина, и всего, что дорого русскому чувству и просвещенному уму; она старалась превзойти самих врагов наших в клевете на свою страну...»³⁶.

На пушкинском празднике мирились старые враги, лились слезы и шампанское, русские литераторы на короткий миг почувствовали свою общность, почувствовали, что все они - выразители русской культуры во всем ее противоречивом единстве. Произнес слово примирения и Катков, подняв бокал и обращаясь к Тургеневу. Ведь Тургенев когда-то опубликовал в его журнале три крупнейших своих романа («Накануне», «Отцы и дети» и «Дым»), был близок вроде бы и по позиции: либерал по убеждениям, порвавший из-за своего либерализма с «Современником», человек, тридцать лет проживший в Западной Европе, чтобы избавиться от борьбы, ведшей к утилитаризму в искусстве. Впоследствии писатель и издатель разошлись. Но на празднике, когда Тургенев только что произнес панегирик красоте, искусству, сказал о «чувстве единоплемянности, которое проникает теперь нас всех, без различия звания, занятий и лет», Катков решил сделать шаг к

³⁴ Русский вестник. 1889. Т. 261. С. 404.

³⁵ Там же. С. 407.

примирению. Но Тургенев опустил свой бокал и накрыл его ладонью. Потом сказал: «...Я старый воробей, меня на шампанском не обманешь!»³⁷. Демонстрация была очевидная. Ее заметили и подхватили, истолковав как факт символический, почти все газеты и журналы того времени. Катков отыгрался после смерти Тургенева (1883), написав о нем статью, где заметив мимоходом о писателе, что «политические интересы мало занимали его, и он не имел твердого гражданского образа мыслей»³⁸, далее отнесся и к его искусству: «Как бы ни были значительны достоинства лучших произведений Тургенева, они (в этом всякий сознается) далеко не такого свойства, чтобы возводить его во всемирные гении»³⁹.

Сам же Катков был непреклонен: «У нас теперь все толкуют о политических партиях. Не принадлежал ли и Пушкин к какой-либо партии? Да, принадлежал... Он принадлежал к *Русской партии*. Самое слово *Русская партия* есть слово Пушкина»⁴⁰. Надо только знать, что понимает Катков под «русской партией». Эта партия, выражающая российское самодержавно-государственное сознание, которое должно быть присуще всей России. «На русскую патриотическую партию, - писал Катков, - если только это партия, вот на что единственно может опереться наше правительство или вот какой партии должно быть наше правительство»⁴¹. После гибели Александра II Катков перестает верить в просветительскую силу имперского либерализма. Отныне только жесткая самодержавная власть, на его взгляд, может спасти элементы цивилизации в России. Чичерин даже заметил о «низменном уровне, на который спустилось русское патриотическое чувство после проповеди Каткова»⁴².

Деятельность Каткова свелась в конце его жизни к страстной защите русского царизма с его великодержавными устремлениями вовне и подавлением всякого инакомыслия внутри. Вот что в 1881 году писал бывший борец с цензурой: «Толкуют о свободе печати, но не все отдают себе ясный отчет в том, что разуметь под этою свободой. Люди на общественных дорогах свободно ходят и ездят, и чем свободнее, тем лучше, но никому нельзя предоставить свободу бесчинство-

³⁶ Там же. С. 408.

³⁷ Кони А.Ф. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 6. М.: Изд-во «Юридическая литература, 1968. С. 314.

³⁸ Катков М.Н. Тургенев // Катков М.Н. Имперское слово. С. 421.

³⁹ Там же. С. 422.

⁴⁰ Русский вестник. 1889. Т. 261. С. 408.

⁴¹ Катков М.Н. О самодержавии и конституции. М., 1905. С. 38.

⁴² Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // Чичерин Б.Н. Философия права. С. 572.

вать на улице и нападать на встречаемых. Охраняя общественные пути от физического насилия, не обязано ли то же правительство охранять общество и от насильственных нравственных?»⁴³ Ту самую культуру, независимую и свободную, о которой Катков так пекся в первые годы своей деятельности, теперь он подчиняет интересам государства, интересам «государственной партии», которую он понимает как выразительницу воли народа. Вообще противопоставление «космополитической» партии и партии национально-народной стало характерным для него. Он писал в 1881 г.: «Гнилой либерализм и гнилой консерватизм оказывается только в нашем гнилом космополитическом и поверхностном образовании. <...> Неужели не пора исчезнуть всяким партиям на Руси, кроме той, которая едина с русским народом?»⁴⁴. Тут все замечательно: и замена имперской России на московскую Русь, и отказ от чувства сопричастности «великим основным фактам умственной жизни всего образованного человечества», и предчувствие появления одной партии (очевидно, РСДРПб? – В.К.), которая сочтет себя единой с русским народом, отменив и уничтожив остальные партии. Трагическая подмена имперской идеи наднационального блага, идеи общеевропейской культуры идеей националистической (причем в весьма ригористической форме) состоялась. В.С. Соловьев даже отправил ему письмо, спрашивая: «Вообразите себя на смертном одре, при переходе в другой мир: неужели и тогда идея *крайнего* национализма по отношению к инородцам сохранит для вас какую-нибудь важность? А если не сохранит – то, значит, это есть идея временная, преходящая, недостойная увлекать собою мыслящего человека и христианина»⁴⁵. Понимал ли сам Катков ошибочный поворот своей эволюции, когда всякие преобразования стали страшить его, петровский дух перемен пугал, а сохранение существующего порядка стало для него смыслом всей деятельности. Но сохранение без развития означает деградацию государственного организма, что вскоре многим стало заметно.

Но был тут и простой здравый смысл, столь важный в историсофских построениях, о котором напомнил Каткову Кавелин: «М.Н. Катков рекомендует власти опираться на русский народ, на патриотический дух, на русское мнение. Но как их узнать помимо мнений общества, печати, салонов? В чем они выражаются?

⁴³ Катков М.Н. О самодержавии и конституции. С. 42.

⁴⁴ Катков М.Н. На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом // Катков М.Н. Имперское слово. С. 380.

Мало того: у нас во всем и всюду страшная разногласица. Какое же мнение считать голосом народа, выражением патриотического духа, русским? М.Н Катков дает весьма опасный совет: ведь каждый считает свой взгляд выражением русской мысли, себя – русским патриотом. Что же выйдет, если всякое мнение, всякий взгляд будет обзывать все другие непатриотическими, ненародными, нерусскими? Не будет ли это война всех против всех?»⁴⁶. В этой формуле, со времен Гоббса означающей гражданскую войну, очевидное предчувствие российского недалекого будущего.

Русская культура в лице Вл. Соловьева, Б. Чичерина, И. Тургенева, К. Кавелина отвергла Каткова и его путь. Хотя именно Вл. Соловьеву принадлежит, быть может, самая объективная оценка его деятельности: «Он был увлечен политической страстью до ослепления и под конец потерял духовное равновесие. Но своекорыстным и дурным человеком он не был никогда»⁴⁷. Зато великий маргинал К.Н. Леонтьев потребовал, чтобы Каткову был установлен памятник напротив памятника Пушкину, ибо редактор «Русского вестника» был великим поэтом государственности российской⁴⁸. «Он видел жизнь, он понимал горькую правду нашей действительности»⁴⁹, - писал Леонтьев. Смерть Каткова (20 июля 1887 года) стала событием государственным. По всей России в церквах служили панихиды по усопшем «болярине Михаиле». Иностранные представительства возложили венки на его могилу. Из всех городов Российской империи шли в редакции «Московских ведомостей» и «Русского вестника» телеграммы и письма с соболезнованиями. Кто авторы этих посланий? В основном столичное провинциальное дворянство и чиновничество. Эти письма и телеграммы были изданы тотчас же отдельными сборниками. Пожалуй, ни один русский писатель в девятнадцатом веке не удостоился такого государственного признания.

⁴⁵ Соловьев В.С. Несколько личных воспоминаний о Каткове // Соловьев В.С. Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 633.

⁴⁶ Кавелин К.Д. Заметки // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4-х т. СПб.: Изд-ние Н. Глаголева, 1897-1900. Т. 2. Стлб. 1082.

⁴⁷ Соловьев В.С. Несколько личных воспоминаний о Каткове. С. 634.

⁴⁸ Замечу, однако, что лично Леонтьеву Катков был несимпатичен. Речь шла именно о его роли в общественной мысли и жизни: «Я, признаюсь, лично Каткова очень не любил. Но он был истинно великий человек; он был и тем даже велик, что шаг за шагом, не колеблясь, отступал от всех прежних (более либеральных и европейских) убеждений своих, когда понял, что они нам не "ко двору"!» (Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854-1891). СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 384).

⁴⁹ Там же. С. 383.

Но вот что писал Лесков на смерть Каткова: «Если эти свежие картины (похороны Каткова. - В.К.) прикинуть к тому, как и на нашей памяти и по живому преданию старины наша вялая и сонная родина провожала в последний путь земли не только Тургенева или Достоевского, но даже Гоголя или Пушкина, то, пожалуй, будущий ее летописец, учитывая в каждом случае степень проявленной ею скорби, по воплям усердных плакальщиц и воздыханиям телеграфных причитальщиков признает кончину Каткова утратой более горестной, чем смерти названных только что ее лучших писателей, а Михаилу Никифоровичу усвоит титул "князя от князей" русской письменности»⁵⁰. «Князем от князей» русской литературы он не стал, но не забудем, что *эти князья* лучшие свои романы («Война и мир», «Братья Карамазовы») печатали в журнале Каткова. Что же касается позиции Каткова-политика, то она осталась серьезной проблемой для русской мысли, не раз встававшей перед этой неразрешимой дилеммой: революционный радикализм или самодержавный авторитаризм. Проблема эта жива и сегодня, поэтому и нельзя миновать опыт и идеи этого выдающегося русского мыслителя.

⁵⁰ Лесков Н.С. Собр. соч. В 11-ти т. Т. 11. М.: Художественная литература, 1958. С. 160.